

Руководитель машеровского призыва

20 лет назад не стало Владимира Игнатьевича Бровикова. «Он лежит на Новодевичьем кладбище в Москве. Головой к голове партизанского комиссара, одного из выдающихся лидеров республики и видного политического деятеля СССР Кирилла Трофимовича Мазурова. Простой белорусский хлопчик из Ветки. Поднявшийся во весь рост, чтобы спасти великую страну!»

Эти строки – о Владимире Игнатьевиче Бровикове. Написал их Владимир Севрук, который хорошо знал его по совместной работе в ЦК КПСС.

Всматриваюсь в черты лица, изваянные в мраморе... Да, именно таким он был, «хлопчик из Ветки», в годы своей зрелости – прямым, честным, непреклонным... В обыденной жизни – более мягкий, улыбочивый, добродушный. Да разве все это отразишь в камне? Чем больше задумываешься о его жизни и смерти, драматических, а порой и трагических изгибах его судьбы, тем явственнее чувствуешь волю, мужество и интеллект этого человека – сочетание редкостных качеств, оказавшихся, увы, не до конца востребованными в его время...

В 1974 году, когда Владимир Игнатьевич работал в аппарате ЦК КПСС, о нем было сказано: «Еще молодой, а какой настойчивый. А главное – ни под кого не подлаживается...» Слова эти принадлежат Сулову, в то время главному идеологу партии, второму после Брежнева лицу в государстве. Я понимаю: одно только упоминание фамилии Сулова может вызвать неприятие у некоторых современных «блюстителей демократии», давно зачисливших этого деятеля в разряд «одиозных фигур», «душителей свободы» и проч. Однако речь-то не о Сулове, хотя можно заметить: в чем-чем, но в людях этот партийный «мастодонт», пожалуй, разбирался. Уверен: у него были основания именно так, уважительно, отозваться о молодом сотруднике на заседании ЦК. Тогда Бровикову было 43 года, для престарелого Политбюро – возраст чуть ли не младенческий! Забегая вперед, скажу: такую оценку он оправдал всей своей последующей жизнью и деятельностью – всегда имел свою собственную точку зрения, даже

если она отличалась от общепринятой или той, которой придерживалось начальство или большинство...

Особенно ярко это проявилось в феврале – марте 1990 года в Москве на двух состоявшихся подряд Пленумах ЦК КПСС, где Владимир Игнатьевич, будучи членом ЦК и послом в Польше, дважды выступил, по сути, с вызовом Горбачеву и всей партийной верхушке.

О чем шла речь? Великая страна рушится. Экономика в жесточайшем кризисе. Полки магазинов пусты. Стремительно растут цены. На окраинах державы пылают кровавые конфликты. Было очевидно: нужны кардинальные перемены в деятельности партии и государства. Понимало ли это руководство страны? Видимо, понимало, а между тем острее проблемы замалчивались. Горбачев, как ни в чем не бывало, раздавал многословные интервью, встречался со своими «друзьями» – западными руководителями.

А на Пленуме ЦК в феврале 1990 года благодушно, в духе «одобряем-с» обсуждался проект «платформы» к предстоящему съезду партии. «Возмутителем спокойствия» стал Бровиков. Попросив слова, он подверг резкой критике проект: «В том виде, как он представлен, вряд ли приемлем и нуждается в серьезной доработке» (здесь и далее цитирую по тексту, опубликованному в «Правде». – Прим. авт.).

Владимир Игнатьевич устроил настоящий разнос этому документу: отметил его «излишнюю митинговость, даже некоторую крикливость, неточность содержащихся в нем оценок прошлого и особенно настоящего, идеологический эклектизм и отсутствие теоретической ясности»... И тут же – разящая ирония: «Общество, видите ли, насы-

тившись демократией, не лучшей жизни ждет сейчас, а буквально измаялось без поста президента». Намек был ясен: Горбачев давно уже вынашивал идею президентства, и через месяц с небольшим ему удалось, используя отработанное голосование выдвинутых властью депутатов, осуществить свою мечту.

«Мы как-то стараемся все доказать, что народ за перестройку, – продолжал Бровиков. – Но позволительно спросить: за какую? Не за ту ли, которая за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела ее к черте, у которой мы лицом к лицу столкнулись с разгулом анархии, деградацией экономики, гримасой всеобщей разрухи и падением нравов... Утверждать в этой ситуации, что народ «за», что все это ему по нраву, по меньшей мере, политически непорядочно, – и, апеллируя к замершему залу, добавил: – Да что тут говорить, вы и сами знаете, товарищи...»

Но «товарищи», затаив дыхание, молчали. Они и сами видели и чувствовали: оратор прав, однако у большинства из них не хватало ни смелости, ни решимости сказать об этом вслух. А Бровиков, между тем, продолжал размышлять о «перестройке» – любимом детище Горбачева, им же заболтанном и дискредитированном: «Это понятие мы лихо ввели в оборот, но не потрудились наполнить его конкретным и ясным содержанием. Это результат нашей гипертрофированной амбициозности, личных ошибок, которые допустили руководители нашей партии и государства».

А это уже под ребро генсеку и его команде... Думаю, они поживались, слушая объективный и бескомпромиссный анализ своей деятельности. Выступление продолжалось: «Виноваты, видите ли, не руководители в центре, а исполнители на местах. Стало модным списывать все наши грехи на «проклятое прошлое». А мы-то уже давно расхлебываем не супчики вчерашнего застоя, а кашу, заваренную сегодня, из продуктов перестройки»...

Образно, ярко, глубоко! Чувствуется, что журналистское образование, работа в печати не прошли для Владимира Игнатьевича даром. Его выступление на Пленуме – яркий образец публицистики высокой про-

Владимир
Игнатьевич
Бровиков

бы, основанной на всестороннем анализе общественно-политической ситуации и глубоко продуманных выводах: «Вся наша трагедия сегодня в том, что по-прежнему мы никак не можем отказаться от единоличной власти в государстве и партии. Часто руководим по наитию, некомпетентно, недальновидно, заботясь не о благе Отечества, а о других, может быть, больше личных амбициях».

Бровиков знал, перед какой аудиторией выступает: хотя многие его коллеги грешили двуличием, но не прощали неискренности другим. Именно таким лицемерам, очевидно, адресовались слова: «Решился, товарищи, на это выступление потому, что считаю необходимым наконец-то отказаться еще от одного принесшего нам немало бед в прошлом порока, когда мы своих высших руководителей со всей смелостью и отвагой критиковали лишь после их физической или политической смерти.

Почти убежден, что все, кого касается моя сегодняшняя критика, так же как и те, кто по старинке еще занимается подхалимажем, тут же отнесут меня к «бетону». У нас ведь принято уже, что в «перестройщики» зачисляются те, кто подпевает, а те, кто критикует, нарекаются консерваторами».

Читаем дальше: «Конкретное предложение: снять из платформы положение о президенте, о председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть и не в том, какие мы кабинетные революции проведем. Дело в том, как будет действовать партия, какую политику она будет проводить, какие цели преследовать».

На такой высокой ноте Бровиков и закончил свое выступление на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1990 года. Предложения четкие, логичные, но все понимали: это – глас вопиющего в пустыне. Плетью обуха не перешибешь... Не услышали. Не захотели услышать! Конечно, чувствовал это и Бровиков: его предложения, увы, повисли в воздухе. Вот почему на очередном Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся почти через месяц, что само по себе свидетельствовало о его чрезвычайности, он снова попросил слова...

На этот раз Владимир Игнатьевич выступил в ином ключе: как выполняются решения предыдущего, XXVII съезда партии: «Да-

вайте наложим то, что он решал, на то, что у нас выходит на деле. И мы легко заметим, что мы свернули с пути, начертанного съездом, получили не те результаты, которые тогда закладывали в свои планы. Вместо ускорения (а именно в этом состояла квинтэссенция съезда) идет замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит ее деформация. И, наконец, вместо укрепления партии ведется линия на ее ослабление и дискредитацию. Как, товарищи, понимать все это? – вопрошал Бровиков и сам же давал ответ: – ЦК, прежде всего его Политбюро и Секретариат, не подкрепили принятым курсом должной организаторской и политической работой. В этом я вижу один из секретов падения авторитета партии. Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и смежных с ним. Люди не понимают, что происходит. На исходе девятого десятилетия своей истории КПСС, объединяющая почти 19 миллионов человек (а это каждый десятый гражданин страны), оказалась перед лицом как никогда большой опасности. Создается впечатление, что наши руководители спешат поставить крест на партии как ведущей силе общества, а функции ликвидируемого Политбюро передать президенту. Но надо ли так спешить? Где, товарищи, гарантия, что президентская власть спасет нас от свалившихся на нашу голову бед?»

С высоты прожитого можно сказать: прозорливо! Однако тогда «товарищи», как и прежде, отмалчивались. Они видели: на трибуне бунтарь-одиночка, он и сам подчеркнул, что выступает здесь как коммунист и член ЦК

лишь от самого себя и высказывает свои, именно свои соображения. А они привыкли иметь дело с теми, кто говорит «от имени и по поручению»... На этот раз не было ни того, ни другого. Тем более что с трибуны звучали кощунственные, по их разумению, предложения: «За провалы решений XXVII съезда должны нести ответственность ЦК и его Политбюро, местные партийные органы. Должны лично отвечать не только товарищ Лигачев (именно на него обрушилось больше всего критики на Пленуме. – Прим. авт.), но и Горбачев, Медведев, Слоньков, Яковлев, Лукьянов...»

Это был шок! Никто и никогда до того времени не смел так остро ставить вопрос об ответственности членов всемогущего Политбюро. Думаю, Горбачева тогда передернуло, и он, сквозь плохо скрываемую неприязнь, догнал резким вопросом спускавшегося с трибуны Бровикова: «Одну минуту, какие у вас конкретные предложения? Второе выступление, очень серьезные обвинения...» Владимир Игнатьевич, судя по всему, слегка опешил: не принято было устраивать аутодафе прямо на трибуне. Голос его, очевидно, дрогнул: «Нет, не обвинения, Михаил Сергеевич...»

М.С. Горбачев: «Свернули с курса, должны нести ответственность... Какие у вас конкретные предложения?» (Думаю, это была попытка «смазать», нивелировать реакцию зала, который, затаив дыхание, наблюдал за схваткой. – Прим. авт.)

В.И. Бровиков: «Я считаю, Михаил Сергеевич, что было бы нелишне, если бы члены Политбюро, кандидаты, по своей компетенции, отчитались за те провалы, которые допущены после XXVII съезда».

М.С. Горбачев: «Это все?»

В.И. Бровиков: «Ну, может быть, и все, но и этого уже достаточно...»

Намного позже я узнал о том, что с трибуны было сказано далеко не все. На последней, не оглашенной вслух, странице выступления Владимира Игнатьевича было предложение исключить и вывести из состава Политбюро Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева – «за измену интересам советского народа и предательство партии». Предлагалось также распустить Политбюро ЦК как «не справившееся с выполнением решений XXVII съезда КПСС и допустившее политическую беспринципность и капитулянтство», рассмотреть вопрос о персональной ответ-

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»

74938 – ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 9010 руб., 3 мес. – 27030 руб., 6 мес. – 54060 руб.

749382 – ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 19500 руб., 3 мес. – 58500 руб., 6 мес. – 117000 руб. (включая НДС).

Продолжается подписка на журнал «Беларуская думка» на I полугодие 2012 года!

**СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ –
В 2 РАЗА НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ**

ственности членов Политбюро за допущенные недостатки в работе, принять другие меры по исправлению ситуации в стране.

Почему же это не прозвучало с трибуны Пленума ЦК? Может, Бровиков оробел, струсил? Не думаю. Тут был трезвый расчет. За столь кардинальные предложения, по его собственным прикидкам, могло бы проголосовать 55–60 человек из 540 членов и кандидатов в члены ЦК и членов Центральной ревизионной комиссии, а вот за исключение «смутьяна» из партии – все 480. Ну, может, десятка два и воздержались бы... Спасли великую страну уже было нельзя...

Родился Владимир Бровиков в 1931 году на Гомельщине, в городе Ветка, известном своим старообрядчеством, раскольничеством. Один из основателей староверства писатель протопоп Аввакум по царскому указу был сожжен на костре. Трудно сказать, передался ли тот дух бунтарства последующим поколениям, но, думаю, в самые драматические моменты жизни Бровикова, когда с трибуны Пленума ЦК КПСС он бросил вызов всеильной тогда партократии, на его лице наверняка витали отблески Аввакумова костра. Детство Володи пришлось на времена острой классовой борьбы: коллективизация, репрессии... До начала войны он окончил два класса и возобновил учебу уже после освобождения. В 1950 году поступил на отделение журналистики филфака Белгосуниверситета. Замечу, мне тоже посчастливилось учиться на этом отделении, вот только на пять лет позже...

О студенческих годах Бровикова есть интересное свидетельство очевидцев: рослый, подтянутый, со свисающей на лоб копной черных волос, с обворожительной улыбкой он шествовал по университетским коридорам под восхищенными взглядами многочисленных поклонниц. Владимир по праву считался тогда «звездой студенческого театра», пользовавшегося в университете огромной популярностью. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что был Владимир Игнатьевич до своих последних дней застенчивым однолюбом, верным своей супруге Неве Николаевне.

По окончании университета Владимира Бровикова направили в Оршу – заведующим сельхозотделом городской газеты «Ленінскі прызыў». К сожалению, не могу претендовать на раскрытие журналистского этапа плодотворной деятельности Бровикова. Ограничусь лишь свидетельством такого авторитетного публициста, как нынешний ректор общественной Академии журналистики Белорусского союза журналистов А. Градюшко, способности которого в свое время первым заметил Владимир Игнатьевич, пригласивший его в редакцию:

– Прошло двадцать лет, как не стало этого замечательного человека. Часто вспоминаю о нем и думаю: если бы в каждой редакции были такие редакторы, то, наверное, многие журналисты не разочаровывались бы в своей профессии. И как важно, чтобы в самом начале творческого пути был рядом с тобой такой редактор, как Владимир Игнатьевич Бровиков. За время моей работы в журналистике у меня было 13 редакторов, – вспоминает Градюшко. – Несчастливое вроде число, но мне часто везет с этой цифрой. Некоторых я мог бы поставить рядом с Бровиковым. Это, прежде всего, Владимир Васильевич Матвеев, кстати, его однокурсник, бывший редактор «Сельской газеты» (ныне «Белорусская нива»), где я проработал 13 (опять-таки!) лет плюс три года, будучи на пенсии. Хотелось бы добрым словом вспомнить такую «глыбу» в журналистике, как Александр Кондратьевич Зинин, бывший редактор «Советской Белоруссии», в которой мне довелось отработать почти четверть века! Они были не просто редакторами – они были яркими личностями в журналистике и к тому же хорошими, порядочными людьми.

Сделаю при этом оговорку: не все зависит и от редактора... Андрей Данилович Колос,

Обсуждение проблем профтехобразования на совещании в ЦК КПБ. 1980-е годы

Сделаю при этом оговорку: не все зависит и от редактора... Андрей Данилович Колос,

бывший редактор «Сельской газеты», как-то рассказал такой эпизод, связанный с героем нашего очерка в бытность его вторым секретарем ЦК КПБ. В печать готовился острый материал из Гомельской области. И вдруг звонок тогдашнего секретаря ЦК по сельскому хозяйству В.С. Шевелухи: не публиковать статью, это чушь, клевета... (Нажаловались секретарю, конечно же, те, кому грозил огонь критики.) А материал уже в полосе, поздний вечер, газета идет на подпись редактору. Колос решил позвонить Бровикову на дачу. Владимир Игнатьевич внимательно выслушал, спросил: «Верите ли автору?» И, получив утвердительный ответ, сказал: «Тогда давайте!» Видно, в душе Владимир Игнатьевич оставался редактором, понимал, чего стоит журналисту публичная принципиальность, что значит снять критический материал с полосы, когда она сверстана и ждет последних виз «В печать» и «В свет».

Надо ли говорить, сколько громов и молний от Шевелухи обрушилось на Колоса на следующий день. Но дело было сделано. Последующая проверка показала: газета не ошиблась!

Владимира Бровикова направили на партийную работу в 1963 году. Это был удивительный по пертурбациям период, когда «дорогой Никита Сергеевич», как называли тогда с трибун первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, смело «экспериментировал» – то с целиной, то с кукурузой, то с системой управления государством. Партийные комитеты делились на промышленные и сельскохозяйственные, создавались новые, до тех пор невиданные органы. В одном из них, парткоме колхозно-совхозного управления, на должности замсекретаря по идеологической работе и оказался Бровиков. И с этого назначения начался его крутой подъем по ступеням партийной иерархии...

Вскоре молодого энергичного работника (было ему тогда 34 года) выдвинули на должность второго секретаря райкома. А затем направили в Москву в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Там он защитил диссертацию на степень кандидата философских наук. Его научный проект назывался так: «Некоторые теоретические аспекты политической агитации». Потом – недолгое возвращение в журналистику, редактором областной газеты «Віцебскі рабо-

чы», и снова партработа – секретарь Витебского обкома...

Ловлю себя на мысли, что иному читателю может показаться чересчур простым и легким восхождение моего героя. Это не так: всякое случалось. Было у него немало друзей, но встречались и «доброжелатели», которые были не прочь в удобный момент поставить подножку. В личном деле Бровикова, хранящемся в Национальном архиве, кроме автобиографии, написанной его четким, без всяких закорючек, почерком, сохранился и такой документ. «Считаю, – писал партийный функционер республиканского ранга, – предложение обкома об избрании секретарем обкома Бровикова преждевременным, так как он, во-первых, не имеет достаточного опыта партийной работы, во-вторых, редактором областной газеты работал всего лишь восемь месяцев, поэтому еще трудно судить о его деловых качествах, в-третьих, он, на наш взгляд, допускает элементы высокомерия и зазнайства». Шел 1970 год. Будь это раньше, в крутые сталинские времена, несдобровать бы ни секретарю обкома, внесшему предложение, ни самому Бровикову, «допускавшему элементы». Но ситуация изменилась и к мнению функционера, к счастью, не прислушались. Тем более что в характеристиках, подписанных Машеровым, Притыцким, Аксеновым, Пилотовичем, Кузьминым – имена громкие, известные, о Бровикове говорилось иное: инициативный, волевой, принципиальный, настойчивый, хороший организатор, отстаивает собственные суждения, отличается глубоким подходом к делу и личной скромностью.

Что же касается функционера, доносившего об «элементах», то, скорее всего, думая, «задел» его Владимир Игнатьевич не-

Председатель Совмина БССР В.И. Бровиков (2-й слева) в производственной мастерской ПТУ № 13 обувщиков

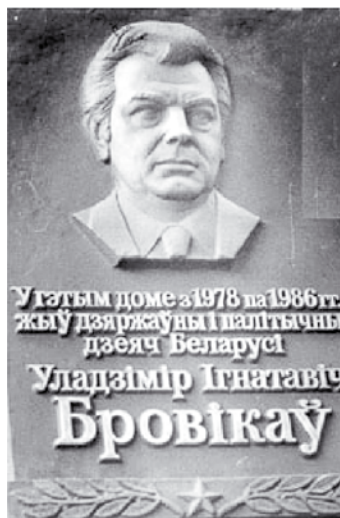

взначай. Бровиков не был «паинькой», отлично знал себе цену, не прогибался перед «проверяльщиками», значит, в их понимании, «проявлял зазнайство»! Теперь иные времена, нет того всесильного ЦК, но и сегодня иные «представители» не терпят мнения, отличающегося от их собственного, и готовы «сигнализировать». Яркие, неординарные личности для чинуши как кость в горле...

Как бы то ни было, вскоре Владимиру Бровикову предложили должность инспектора ЦК КПСС, затем он становится там заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы. Тогда и состоялась наша первая встреча. Я был направлен в Москву на учебу в ВПШ при ЦК КПСС (преобразованную в то время в Академию общественных наук), а Бровиков, который по своим обязанностям курировал это учебное заведение, проводил собеседование с будущими слушателями Академии. Меня, помнится, поразила демократичность, доброжелательность, какая-то особая дружеская расположенность этого человека. Правда, поначалу я объяснил такое отношение тем, что мы земляки. Но нет, и другие мои коллеги, впервые, как и я, попавшие на Старую площадь, отмечали его такт и внимание. Позже, уже в Минске, когда мы встречались в кабинетах второго секретаря ЦК КПБ и председателя Совмина республики, а чаще всего это было связано с подготовкой докладов и статей, я убеждался, что первое впечатление меня не обмануло: да, неординарная личность!

На должность второго секретаря ЦК КПБ, рассказывают, пригласил его сам Петр Миронович Машеров, человек громаднейшего жизненного опыта, сумевший разглядеть в молодом Бровикове (Машеров был старше его на тринадцать лет) задатки перспективного руководителя республики. Понятно, это не понравилось части старых партийных кадров, с опаской поглядывавших на крутой взлет «выскочки»... Думаю, именно это обстоятельство во многом предопределило дальнейшие злоключения Владимира Игнатьевича, особенно после трагической гибели Машерова, с которым ему посчастливилось работать почти два года...

– Хорошо вписался Владимир Игнатьевич в тандем с Машеровым, – вспоминает

Мемориальная доска в память о Владимире Игнатьевиче Бровикове, установленная на доме номер 4 по Броневому переулку в Минске

доктор философских наук, профессор Василий Шинкарев, работавший с ним и в Витебском обкоме, и в ЦК КПБ. – Петр Миронович высоко ценил второго секретаря, внимательно прислушивался к его мнению. Нет, он не был копией первого или его слепым подражателем, у Бровикова были свои подходы, свой собственный стиль. Владимир Игнатьевич работал до изнеможения. Помнится, однажды вместе с ним, что называется, «вкалывали» трое суток без сна и отдыха. Такая нагрузка, конечно, подрывала здоровье, но он никогда не делал себе послабления.

– Выдержка и самообладание этого человека, – продолжает Василий Васильевич, – были исключительными. Однажды я случайно оказался свидетелем его телефонного разговора с Брежневым. Это было утром следующего после гибели Машерова дня. Разговор был резкий и, можно сказать, уничижительный со стороны «генсека».

Бровикову ставилось в вину то, что он не смог обеспечить безопасность первого секретаря. Прозвучала угроза, что разговор на эту тему будет продолжен после похорон погибшего. Но спокойствие и деловой тон не подвели Владимира Игнатьевича и на сей раз...

И что еще запомнилось – он находился в состоянии постоянной неудовлетворенности положением дел в партии, страшно переживал, что много сил приходится затрачивать на проведение различных заседаний, совещаний. Считал, что это не работа, а лишь подготовка к ней. Переживал, когда в ущерб живому делу приходилось отвлекаться на ненужное и бесперспективное. По его инициативе был принят ряд мер по совершенствованию стиля работы, повышению ее результативности. Понимая, что жизнь не стоит на месте, вместе с Машеровым В. Бровиков серьезно работал над концепцией роли и места партии в политическом процессе и управлении государством. Я был в составе той рабочей группы, которая должна была предложить новые идеи, определяющие истинное место партии, и подготовить соответствующие тезисы к очередному съезду. Смерть Машерова затормозила реализацию этих замыслов. Последующее руководство предпочло новациям накатанную дорожку.

Воспитанный на машеровских традициях, Бровиков стал выглядеть белой вороной на фоне догматиков и консерваторов...

– Однажды, – вспоминает Василий Шинкарев, – мы возвращались вместе со Шкловской партконференции, к тому времени Бровиков был уже председателем Совета Министров республики. Впервые Владимир Игнатьевич откровенно заговорил о партийном диктате, который подавляет инициативу государственных органов, хозяйственных руководителей: «Посмотри, как я подписываю документы. Вначале пишу – «член Бюро ЦК КПБ» и только затем «председатель правительства». Так принято. Ситуация такова, что как глава правительства я весьма ограничен в своих полномочиях. Я «большой начальник» лишь потому, что являюсь членом Бюро...»

Председателем Совмина республики Бровиков проработал два с половиной года. Те, кому приходилось принимать участие в заседаниях правительства, говорят, как демократично, четко, результативно вел их Владимир Игнатьевич. Вячеслав Погирницкий, бывший инспектор ЦК КПБ, вспоминает об одной истории, свидетельствующей об уровне его требовательности и принципиальности. А дело было так. В ЦК поступила анонимка, и хотя к эпистолярному жанру такого рода всегда относились с недоверием, факты в ней были столь красноречивы, что их нельзя было оставить без внимания. Комиссия (Погирницкий был в ее составе) тщательно проверила письмо, и выяснилось: то, о чем сообщал аноним, – лишь верхушка айсберга. Нарушений была выявлена тьма: в Министерстве жилищно-коммунального хозяйства, а речь шла именно о нем, систематически нарушалась государственная, плановая и трудовая дисциплина, допускались приписки и очковтирательство, отсутствовал системный подход в работе с кадрами. На справке о результатах проверки появилась резолюция первого секретаря ЦК Н.Н. Слюнькова: «т. Бровикову В.И. Прошу рассмотреть на Президиуме Совета Министров БССР и о принятом решении и предложениях доложить ЦК КПБ».

Все знали о давних дружеских связях премьера и министра – человека опытного, известного, к тому времени более десятка

лет руководившего отраслью. Как поведет себя премьер? Не спасует ли перед авторитетом? Не уступит ли дружеской привязанности? Не спасовал. Не уступил. Тон разговору задал жесткий, нелицеприятный. Глядя на раскрасневшегося, словно после парилки, министра, мне довелось испытать двоякое чувство: а не переусердствует ли премьер, не слишком ли травмирует душу в общем-то неплохого руководителя? Но вывод последовал взвешенный, обдуманый: объявить выговор за серьезные упущения по руководству отраслью, слабый контроль за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий и организаций и за нарушение партийных принципов в подборе, расстановке и воспитании кадров. Не называю фамилии министра – его, как и Бровикова, нет уже на свете. Тем более что, судя по его дальнейшей деятельности, министр извлек уроки из той памятной «взбучки». Защитил докторскую диссертацию, стал ректором института. А принципиальность и строгость премьера еще не раз помогали руководителям высокого уровня вносить коррективы в свою работу, находить верную дорогу, – заключил свой рассказ Вячеслав Погирницкий.

А самому Владимиру Игнатьевичу пришлось уйти на дипломатическую работу. Обстоятельства этого перехода мне, к сожалению, не известны. Можно лишь предположить, что подспудное противостояние старых и молодых партийных кадров, которое мудро регулировал Машеров, сказалось после его смерти на «выдвижении» Бровикова в Совмин, а в дальнейшем – на его «уходе» на посольские хлеба. В Польше, куда направили Бровикова послом СССР, пришлось ему нелегко, наверно, именно на это и рассчитывали его «доброжелатели», отправляя в «почетную» ссылку. Там сохранялся режим военного положения. Но и в тех тяжелейших условиях посол умело отстаивал интересы своей страны.

Одной из самых драматических страниц в жизни и судьбе Владимира Бровикова, можно сказать, вторым таймом схватки с верхушкой номенклатуры стал XXXI съезд Компартии Беларуси, куда его пригласили из Москвы по инициативе витебской парторганизации как возможного кандидата на пост первого секретаря. Здесь он попал в са-

мый эпицентр острого противостояния людей и сил, исповедовавших разные, зачастую противоположные взгляды. Свою программу Бровиков преподнес с блеском. Выступление его было сдержанным, спокойным. Он подчеркнул, что беда не в том, что белорусские коммунисты в чем-то недорабатывают. Беда в другом: московские вожди забалтывают перестройку, сдают позицию за позицию. Они фактически предали дело социализма и на международной арене.

Закончил свое выступление Владимир Игнатъевич под горячие аплодисменты зала. Чувствовалось, что симпатии делегатов на его стороне. Но это не входило в планы Москвы, где хорошо помнили пленумы ЦК, на которых он бросил вызов Горбачеву. Представитель центра – член Политбюро, секретарь ЦК А.С. Дзасохов – не скрывал своих антипатий к кандидатуре Бровикова. И тогда, как вспоминал Александр Симуров, многие годы проработавший в «Правде», был запущен «механизм закулисных игр». Тут все сгодилось: и неожиданное решение баллотироваться делегата, накануне снявшего свою кандидатуру, и персональная обработка членов ЦК в гостиничных номерах и кулуарах съезда, и угрозы (очевидно, не совсем безосновательные), что Бровиков не сработается с Горбачевым, а это могло обернуться явным ущербом для республики. Не погнушались и намеками на здоровье кандидата (накануне Владимир Игнатъевич перенес сложную операцию). Словом, массивная атака на неудобного номенклатуре кандидата возымела действие: выборы Бровиков проиграл. Горбачев мог праздновать победу. Пиррову.

А как воспринял свое поражение сам Владимир Игнатъевич? На этот вопрос дает ответ его интервью тогдашнему редактору «Советской Белоруссии» Зиновию Пригодичу: «Своим рейтингом – 46 процентов голосов – в принципе не огорчен. И даже, можно сказать, доволен. Особенно если учесть, что я в последние годы работал за пределами республики, а голосовали люди, большая часть которых в политическую жизнь вступила именно в последнее время. Так что результат я считаю вполне нормальным. Правда, он

не очень льстит моему самолюбию, но и не очень его ранит. Мне не на кого и не на что обижаться». Теплые слова сказал он в интервью об избранном на пост первого секретаря ЦК А.А. Малофееве, с уважением отозвался об А.С. Камае, В.В. Григорьеве и др.

Высказался Владимир Игнатъевич и о рынке: «Я за рыночные формы собственности, но категорически против продажи земли в частные руки. На этой позиции стояли не только Маркс, большевики-ленинцы, но и великий писатель земли русской Лев Толстой. К рынку, безусловно, необходимо двигаться. Но это движение должно сопровождаться улучшением материального и духовного благосостояния людей. А пока что жизнь становится все хуже и хуже».

Интересны его суждения о модной тогда и не потерявшей поныне своей актуальности теме – об оппозиции: «Вместо принципиального отношения к ней пытаемся с ней флиртовать. То ли мы ее немножко побаиваемся, то ли хотим ей потрафить». А вот его мнение об интеллигенции: «Прежнему руководству не удалось найти с нею общий язык. Некоторые партийные руководители, зная за собой этот грех, слишком много расточали комплиментов в ее адрес. А надо бы относиться к интеллигенции серьезно, не то чтобы дружить, а быть вместе». Звучит как завещание. Тем более что интервью В.И. Бровикова «Советской Белоруссии», пожалуй, последнее в белорусской прессе.

Владимир Игнатъевич Бровиков умер в нейрорегургической клинике в Москве в возрасте 60 с небольшим лет. 12 мая нынешнего года ему исполнился бы всего 81 год...

Я рассказал лишь об отдельных фрагментах его полной драматизма жизни. Но и из них видно: фигура яркая, нестандартная. Хотя и, как принято сейчас говорить, неоднозначная, в ряде случаев из ряда вон выходящая. Но тем и интересная. Личность В.И. Бровикова принадлежит уже ушедшей эпохе, но читатель, надеюсь, сможет извлечь из его жизни поучительные уроки, быть может, полезные и сегодня.

Александр АКУЛИК,
кандидат исторических наук

Памятник
В.И. Бровикову
на Новодевичьем
кладбище в Москве